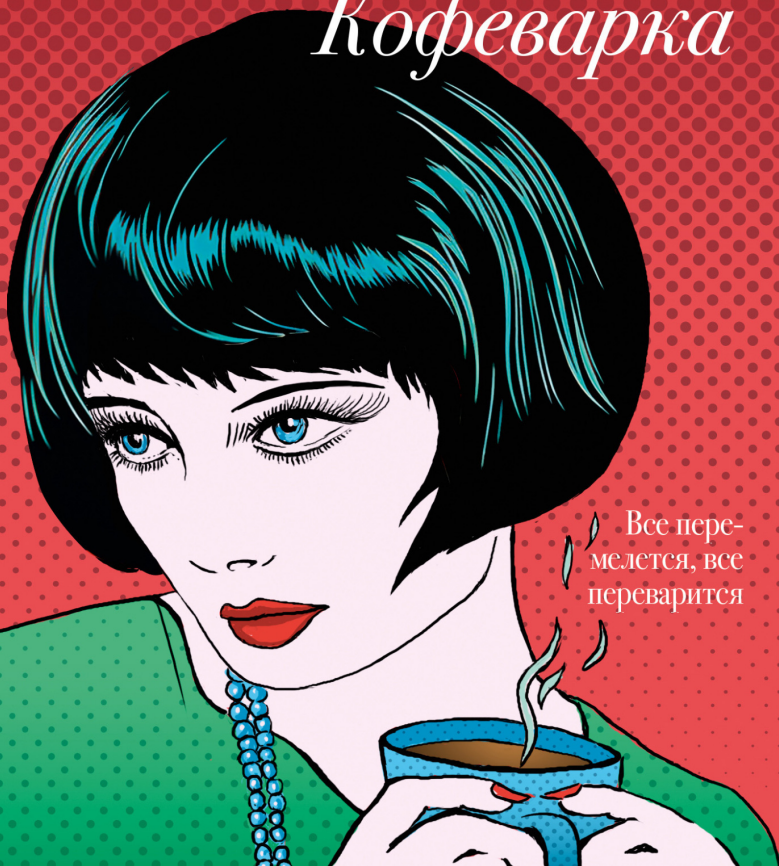

РИНАТ
ВАЛИУЛИН
Кофеварка

Все пере-
мелется, все
переварится

Ринат Рифович Валиуллин
Кофеварка
Серия «Весна, лето, осень, зима»
Серия «Я», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69717709
Кофеварка: Издательство АСТ; М.; 2023
ISBN 978-5-17-155302-9

Аннотация

«Кофеварка» – это роман-мозаика, в котором смешались комедия, драма, детектив и руководство к действию. Тысячи людей ежедневно сидят за чашкой кофе и рассказывают друг другу тысячи своих историй: терпких, насыщенных, ароматных, обжигающих, оставляющих горечь сожаления или приятное послевкусие. Никто даже не подозревает, как кофе смешивает множество историй в одну.

Содержание

Меня зовут Кофе	6
Инна	15
Глеб и Детектив	18
Гриша и Маша	26
Лео и Серж	31
Писатель и Режиссер	35
Гриша и Маша	40
Девичник	51
Лео и Серж	54
Девочки	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ринат Рифович Валиуллин

Кофеварка

© Р. Валиуллин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Меня зовут Кофе

Жизнь обычного кофе – это бесконечная череда чашек с кофе и тарелок с пирожными, между ними лавируют официанты, а люди только пьют, едят и говорят, говорят, говорят. За каждым столиком свой маленький мир, а кофе вроде настольной игры, со своими пешками и королевами. В этой нескончаемой беседе очень трудно разобрать, кто есть кто, особенно если ты и есть тот самый кофе, а размеры твоего кофе можно измерить только масштабами земного шара, который ежедневно умывается двумя миллиардами чашек кофе. Встречи, свидания, разговоры в атмосфере свежемолотого кофе, как глоток свободы, которой так не хватает человеку в обычной жизни. Обычная жизнь – этот тот самый плен, который уготован любому. Я знаю. Я наблюдаю за этим с самого начала. Я родился и пахал на плантации до последнего клиента и никогда не сидел на месте, я всегда поднимал всем настроение, придавал бодрости и жизненных сил, поэтому близкие называют меня по-разному: кто кофе, кто ласково кофеек, кто романтично капучино, кто деловито эспresso, кто демократично американо.

...Кофе меня прозвали еще в детстве, за неповторимый вкус к жизни. Вот уже много лет я ухаживаю за одной девушкой. Ее зовут чашка. Она родом из фарфора. Мы не разлей вода. Я ценю эту любовь, кроме того, я умею дружить. Когда

у нее хорошее настроение, она обязательно скажет: «Знаешь, за что я тебя люблю? Ты – не растворимый, в отличие от многих». Для женщины очень важно, чтобы рядом был не только муж, любовник, поклонник, но главное – друг! У меня была хорошая школа. На кого я только в жизни не учился и кем только в жизни не был! Моя история – это цепь событий, которые происходят с людьми каждый божий день. Порою эта цепь поскрипывает от обстоятельств, кому-то не хватает внимания, кому-то любви, кому-то элементарно – денег. Что я мог подарить этим людям, кроме своей веры в общение. Общение – это то, что делает всех людьми. Общение – это первая ступень благотворительности. Как же это приятно – творить благо. Если бы люди только знали. Жаль, что знают не все, не все умеют, а многие хотели бы, но так и не научились. В мире полно людей жадных, злых и трусливых, несмотря на свое образование. Им не повезло, наверное, у них были никудышные педагоги или хреновые родители, не суть, я их все равно выслушаю. В конце концов, не могут же все быть хорошими. Будь все хорошими, то и кофе никогда бы не остывал.

Когда пахешь изо дня в день, конечно же, случаются моменты, когда ты хочешь сказать: «пошли все к черту» – и отвалить. Но я предпочитаю разделять: «пошли к черту все, кто меня не любит» – и остаться. Пусть отваливают все лишнее.

Меня стали узнавать достаточно рано – вслед за шокола-

дом. Его открыли вместе с Америкой, я появился чуть позже с венецианскими купцами. Шоколад был молод, смугл и красив, он легко мог поддержать любую беседу. Мне всегда нравилось вести с ним разговоры ни о чем, он был горяч в самые холодные чашки жизни. Шоколад – это тот самый друг, который никогда не предаст. Я убеждался в этом не раз. Помню, как-то после работы мы вышли на улицу и остановились поболтать. В этот момент неизвестно откуда прямо на голову свалились копы. Нас повалили на землю лицом вниз, позже выяснилось, что некто обратился в полицию и доложил, что видел на улице чернокожих парней с эндорфином в руках. Понятное дело, страшно, ночью, кофе и шоколад, совсем другое дело, если виски и сигареты, это еще можно объяснить, человек устал, он с работы, он хочет расслабиться. А от этой смуглой парочки можно было ожидать чего угодно, не все же знают, что у нас всегда были только благие намерения. Нас обыскали, понятное дело, пушек, наркотиков и прочего запрещенного у нас не нашли, но прежде чем выпустить на волю, допросили как следует. Оказывается, копы тоже пьют кофе с шоколадом. В какой-то момент один из них сказал мне: «Хороший кофе», а второй ответил: «Чертовски хорош, нигде его не варят лучше, чем здесь. Нет ничего лучше горячей кружки кофе и шоколада. Это почти как секс». – «Моя жена говорит, что это лучше секса». – «Здесь должно было быть обидно». – «Нет, старик, я на девочек никогда не обижаюсь, обиды – это женские безделушки».

Я слушал и улыбался. В обычной жизни я не боец, но мое оружие всегда при мне, и в этом есть свое рациональное зерно. Знаете, что общего между кофе и деньгами? И те и другие хранятся в банке. Если я проснусь в банке и увижу кого-то, кто хочет его ограбить, вытащить меня из банки и бросить в кофемолку, я выдам такой аромат, что мало не покажется.

Этим показалось мало, они заказали еще и спросили меня, чем я занимаюсь.

Чем-чем? Смысл моего существования довольно прост: научить людей общаться, в особенности мужчин и женщин. Всем известно, что они уже давно говорят на разных языках. Девушки гонят свое, мужчины о своем молчат. А если они и болтают о чем-то, то это никак не касается их самих. Как им начать понимать друг друга? Всю свою сознательную жизнь я пытаюсь разобраться в любви, в отношениях, в людях.

Копы переглянулись, им нужны были доказательства. Пришлось подбросить им несколько историй, взятых из жизни, чтобы они попытались взять след, потому что на самом деле история одна.

* * *

Так вот, однажды я уже долго стоял на столе, тем временем становилось прохладно. Терпение мое было переполнено и жутко хотелось отлить, а они все говорили и говори-

ли, пороли всякую чушь. «Хватит болтать, я остываю, чуваки, зачем вы меня взяли?» Наконец, как мне показалось, самый главный из них, который руководил действием, отхлебнул немного из чашки. Я проник к нему в голову. Это был режиссер. Он раздавал всем указания, он здесь был царь и бог, все ему подчинялись и слушали его внимательно, но не у всех получалось понять босса с первого раза, поэтому повторов было много. Со стороны любая сцена напоминала кусок обычной жизни, который ты пытаешься сделать идеальной, но люди неидеальны в отличие от предметов, каждый сам себе на уме. Он расставлял их и говорил им, что делать, выходило довольно искусственно. Так я узнал, что такое кино. Сегодня было особенно смешно, потому что играли постельную сцену, более того, я сам сыграл там небольшую роль, первую в своей жизни любовную роль. Но для актеров все это выходило не так забавно, как может показаться со стороны. Когда я смотрел эту сцену, а сценой была большая кованая кровать с двумя голыми телами, я невольно замирал на мысли: это и есть любовь? Эти двое, они испытывают удовольствие или нет, между ними есть какие-то чувства? У парня стоит или нет? Может, надо было заварить покрепче. Как он это делает? Как он себя сдерживает? На его месте мог бы оказаться любой. Стоило мне только подумать, как кофе подали в постель, и мне самому пришлось примкнуть к этим двум, глядя из койки на мир, я вдруг осознал, что помимо нас троих на площадке еще пятьдесят человек. Вот, оказы-

вается, где начинаются сложности, вот где надо включаться в игру и проявлять свой талант и не ударить в грязь лицом, когда все они пялятся на тебя, как на голого идола. Тыходишь в комнату, ложишься, и тут начинается: «Витя, возьми чашку с кофе, дай Еве! Нет, не так. Даже Адам сделал бы это лучше. Ева, возьми кофе, понюхай. Нет, не так, это же не носки, не просто понюхай, вдохни и пригуби. Ты любишь кофе? Придется полюбить. Так, теперь повернись немного, чтобы грудь было видно. Нет, больше ничего, только грудь. Смотри на кофе и, не поднимая головы, начинай говорить. Витя, а ты отвечай. Ты расслаблен, но в то же время суров. Ты же почти что «крестный отец».

Наконец, режиссер, у которого в голове только одно: «Дашу надо было брать на роль, с этой Евой любое желание про падет», отходит на безопасное расстояние и объявляет минутную готовность. Серьезный такой, с металлической бородкой и с сигаретой в зубах. Голос его тоже был металлический, как ему удается создавать такой серьезный вид на такой несерьезной сцене. Талант.

А текст сценария вообще заставил меня вздрогнуть. Сразу было понятно, что люди просто не умеют расслабляться, их голова забита другими вещами. Не голова, а склад забытых вещей.

– *О чем ты все время думаешь?*

– *Какой курс евро сейчас.*

– *Видимо, такой же высокий, как наши отношения, – рас-*

смеялась девушка.

— Тебе не интересно?

— Не знаю, думаю, особо не изменился. Скачет туда-сюда. Весь в тебя.

— Тебе не понравилось, детка?

— Очень. Я ведь так сильно люблю тебя.

— Я знаю.

— А ты как меня любишь?

— Как обычно.

— Тебе что, трудно сказать?

— Как-то смешно.

— Что в этом смешного?

— Мы же не дети, чтобы постоянно признаваться в любви.

— Скажи по-взрослому. Артуро, у тебя кто-то есть? Признавайся.

— Есть. Дела.

— Не надо экономить на словах «Я тебя люблю». Чистосердечное признание смягчает участь.

— Мою участь не смягчает даже постель.

В общем, ничего приятного. И так десять дублей подряд. Я смотрел на голую девушку и остывал. Я хотел, чтобы мне и ей было приятно хоть на секунду. Но приятного было мало, то есть совсем. Мне всегда хотелось накинуть на девушку халат, но режиссер был непреклонен, на глазах у всех девушка неумолимо превращалась в женщину. Хорошо, что он

хотя бы не забыл ее имя. А звали ее Ева. Ева всегда опаздывала, даже когда приходила вовремя, ей все равно казалось, что она опоздала. В голове ее был тот вчерашний парень, молоденький актер с большим будущим, который ехал к ней в метро, который по пути познакомился еще с одной девушкой. Еще бы – такой красавчик. Все свидание он смотрел на Еву, а думал о той, из метро. Так казалось Еве. Она слушала этого парня, запивая его милые подвиги кофе.

«Блин, если бы не та блондинка из метро, мы вполне могли бы пожениться. По крайней мере по дороге сюда я готова была на все. Но все ты мне так и не предложил. Как ты это можешь объяснить. Не можешь? Просто предлагаешь сходить в кино. Да я сама из кино! Неужели ты этого еще не понял и променял меня на какую-то блондинку. Я не хочу в кино. Наигралась. Я же знаю, чем все это пахнет. Там в темноте твои руки будут блуждать по моему телу. Настойчивые ласкатели души. Ты будешь нежно трогать меня. По крайней мере, не попкорн. Попкорн я воспринимаю просто оскорблением. Я буду пялиться в экран, пытаюсь разобраться в сюжете сквозь плохую игру актеров, когда сюжета нет вовсе. Почему наши так и не научились снимать постельные сцены. Импотенты лучше сыграют. Тут даже кофе в постель не поможет. Как же мучительны эти усилия, но еще мучительнее на них смотреть.

Наконец режиссер кивнул серой бородкой в знак согласия со своим эго и громко крикнул: «Снято». Он был удовлетво-

рен, все на площадке были удовлетворены, кроме главной героини, она выскользнула из постели и исчезла в гримерке. Актрисам по долгу службы частенько приходилось выходить из постели неудовлетворенными. Она уже опаздывала, ей надо было еще успеть на вечерний спектакль с тем парнем, если, конечно, блондинка не воспользуется ее опозданием и не перехватит судьбу.

Инна

В кафе вечерело, столики не спеша заполнялись. В атмосфере медленно перемешивались прошлое, настоящее и будущее под аккомпанемент Сати. Волшебство его музыки заключалось в том, что она звучала как бы наоборот, против всех законов времени. Музыка Эрика Сати, написанная на стыке XIX и XX веков, звучала очень современно, она гладила, успокаивала и вводила в гипноз, обогащая любую беседу красноречием и нежностью.

Я всегда приходил вовремя, только однажды опоздал. Пришел, а девушка уже сидит, сидит в слезах, прямо посреди своей соленой лужи. Только две чашки кофе перед ней одной. Она взяла ту, что ближе, но, передумав, что самое обидное, поставила обратно, в этом и была главная ошибка, надо было сделать пару глотков, полегчало бы сразу. Я стал оглядываться, ну где же этот ангел, в котором она души не чаяла, возможно, он был в туалете, облегчал душу, но скорее всего уже ушел, оставив на столе конверт. Возможно, добавил: «Я тебе вечером позвоню». Если бы он только посмотрел на меня, я сразу прочитал бы в этом взгляде все.

Девушка очень долго комкала в руках телефон, потом отложила, взяла в руки и открыла конверт, там были деньги и записка: «Инна, давай без глупостей. Это тебе на аборт».

Какой эстет, прямо из XIX века: конверт, записка, крупные купюры. И почерк аккуратный, как у отличника. Обычно все пишут про каких-то ангелов, которые вроде как сводят людей, а потом сводят их с ума. Никто не думает, что это полдела. Свели, а разводить кто будет при необходимости? Я делаю всю черновую работу.

Все мнят из себя ангелов, но при этом трахаются, как демоны, а потом зачастую так легко хотят избавиться от ненужных детей, чтобы трахаться дальше. Потому что дети им этого никогда не дадут. Они сядут на шею, а с таким грузом уже не до постели, поднимайся ни свет ни заря, корми, води в сад, в школу, забей на себя, на свою личную жизнь. Да, детка, да, дети – это крест, который родители должны затащить на священную Голгофу, там поставить его, то есть детей, на ноги, распяв себя.

Что я мог сказать этой девушке? Успокойся или плачь, раз плачется, только не умоляй его остаться, не пиши, не звони ему, он уже все сказал, он показал, на что он способен. Как выяснилось, способностей ноль. Зачем тебе такой? Сделай паузу! Выпей кофе. Не горюй. Хотя нет, дай себе возможность погоревать, но недолго. Пока кофе не остынет. Не вини себя, ты ни в чем не виновата. Я согласен, очень трудно привыкнуть к мысли, что кто-то тебя больше не любит. Не привыкай. Выкинь все его крючки, чтобы больше не впивались в тебя и не ранили душу. И хватит анализировать, а то анализы будут плохими. Выйди в парк, пробегись, нагуляй

аппетит. Чувство голода – оно сильнее всех остальных. Будь солнцем! Помни, ты сама себе звезда и можешь греть других! Да, я имею в виду малыша.

Божечки, она улыбнулась! Есть надежда.

Я никогда не загадывал, сколько сегодня будет разбитых сердец. Конечно, гораздо больше, чем разбитых чашек. Этот звон посуды, ложечек и фарфора, гул разговоров и встреч окружал меня со всех сторон. Я старался подбодрить всех как только мог.

Глеб и Детектив

На террасе кафе, в уединении, сидели двое мужчин лет 40–45, связанных одной старой дружбой, это читалось в их неторопливом разговоре. Видно было, что оба преуспели в делах, один в коммерческих, другой в уголовных. Один был профессионально строг, другой нарочито расслаблен, один все время шутил, другому все время было не до шуток.

– И знаешь, что еще, мне нужно проследить одного человека. Я знаю, что могу на тебя рассчитывать в этом щекотливом вопросе.

– Мужчина или женщина?

– Неужели женщина дороже? – продолжал шутить Глеб.

– Ты про деньги?

– Не только.

– Они дороги со всех сторон, особенно когда речь идет о чувствах. Ты ведь об этом?

– У меня давно этого не было. Я погряз в деньгах и делах.

– Так тебе изменяет жена?

– Не смейся. Зачем мне следить за женой?

– Чтобы верить, что любит только тебя.

– Мне ее любовь даром не нужна. Слишком дорого обходится. Мечтаю, чтобы у нее завелся любовник.

– Это будет дороже, – позволил себе шутку сыщик. – Ладно, кто?

– Даша.

– Это та заносчивая брюнетка, которая была на фотографии там, на яхте?

– С тобой невозможно. Ты все помнишь, дорогой мой Пинкертон.

Прозвище это привязалось к детективу еще со школьной поры и, скорее всего, стало той самой путеводной звездой, отправной точкой его жизни.

– Не могу поверить, человек с железной хваткой. Неужели и ты способен на страдания?

– Есть такое чувство.

– Да брось ты, куда она от таких денег денется, я хотел сказать – от тебя.

– Не знаю, периодически она пропадала из виду, но в этот раз как будто навсегда. В общем, мне нужно знать, есть у нее кто-то еще или нет, если есть, то кто, в общем, фото, видео, я хочу знать всё. Но даже не это главное. Главное – меня пугают мои чувства. Никогда со мной такого не было.

– Все мужчины рано или поздно становятся сентиментальными: кто-то в тридцать, кто-то в пятьдесят.

– Слезные проходы тоже требуют прочистки. Сантехника чувств. Невозможно сдерживать эмоции всю жизнь.

– Невозможно.

– Я так понимаю, за ценой ты не постоишь.

– Некогда стоять, поэтому к тебе и обратился.

– Почему ты решил, что она тебе изменяет?

– Еще не решил, поэтому и прошу разобрать задачку. Я не хочу копаться в телефоне любимого человека, слишком мелко для меня.

– Я бы сказал – дно. Представь, каково мне все время искать доказательства в чьем-то грязном белье.

– А ты стирай, а потом ищи, – улыбнулся Глеб собственной шутке.

– А как же улики?

– Да уж, грязная схема. Но тебе же это нравится?

– Да, этого не отнять. Так кто она? Снова модель?

– Ты же знаешь, я с детства люблю собирать модели.

– Еще бы, помню твою комнату, где все было заставлено и завешано моделями кораблей и самолетов. Но время изменилось, сейчас в идеальной модели все на микросхемах.

– Тебе объяснять не надо.

– Я подберу лучших ребят. Они сделают все незаметно. Но это будет недешево.

– Сколько?

– За всё про всё где-то миллион долларов в месяц.

– Была дорогая, а стала еще дороже.

– За такие деньги следить за своими бывшими. Неужели это того стоит?

– Хочу проверить.

– Я тебя никогда не мог понять.

– С некоторых пор я научился относиться к деньгам философски. Наблюдать за бывшими все равно что инвестиро-

вать в собственную ревность.

– Жил бы с женой. А чего тебе не жилось спокойно?

– С Жанной? Жилось до поры до времени, пока не началось все это где-то лет пятнадцать назад, когда она пошла работать в Красный Крест. Не сиделось ей у Христа за пазухой. Она, видите ли, вдруг стала праведницей, ей надоела эта благая жизнь и захотелось какой-то другой благородной, благотворительной. Уехала в Африку спасать детей от болезней. Усыновила там негритенка, – не обращал внимания Глеб на молодого смуглого официанта, который обслуживал их столик. – Ладно один пацан, хрен с ним, но на этом дело не закончилось. Жанна решила спасти всех детей Африки. Она построила там больницу, на мои деньги и деньги моего отца, которые начали туда улетать, как в трубу. В эту же трубу улетели и наши отношения, потому что я не люблю, когда мои деньги тратят без моего ведома черт знает на что. Но это было давно, нет смысла сегодня об этом вспоминать.

– Мне кажется, при разводе ты потерял еще больше, – заметил детектив.

– Ты все помнишь. Да, хотели меня развести на половину, благо вовремя подключил толковых адвокатов.

– Кому-то яхты, модели, острова, другим волонтерство, милосердие, Африка. Представляешь, сколько чернокожих детей могли бы пойти в школу, – нарочито вздохнул сыщик.

– Школу она там, кстати, тоже успела открыть. Так что не волнуйся, пошли.

– Золотой человек, – улыбнулся Пинкертон.

– Ты про меня? – усмехнулся Глеб.

– Она.

– А золото-то чье?

– Ты так и не смог к нему философски подойти? К золоту.

– Отец – да, я – нет. Он же все мне оставил, когда отошел от дел.

– Сколько золотых людей вокруг тебя. Может, она тебе просто надоела?

– Как любая жена. Тебе твоя не надоела?

– Скорее, я ей.

– Да, с детективом жить то еще удовольствие. Стоит только подумать, а он уже все знает, все пронюхал.

– Не волнуйся, жена детектива знает еще больше, – улыбнулся Пинкертон. – Ответь мне еще на один вопрос: почему если олигарх, то обязательно яхта, и чем длиннее, тем лучше?

– Яхта – это как мериться куями. Понимаешь?

– А где же фантазия? Неужели больше некуда вложить средства?

– Есть, конечно. Но ведь нужно еще и показать. Редкие машины, дорогие часы, роскошные дворцы, это все понятно, и этим уже трудно удивить. Вот все и ищут неповторимую, чтобы вложить свой куй.

– То есть яхты для девочек?

– Ну конечно, а ты опять про милосердие и Красный

Крест?

– Ну, разве нет желания создать что-то грандиозное, на века, чтобы для всех.

– Как ни странно, за благотворительность тоже надо платить. Лошадиный труд. Все равно разворуют, наставят палок в колеса, сломают, а ты еще и виноватым останешься.

– То есть никому это не нужно?

– То есть создавать я готов, работать надоело. Знаешь, мне недавно сон приснился. Я нищий, стою, побираюсь на обочине какой-то улицы, передо мной пустой стаканчик из-под кофе, на дне монета. Вдруг ко мне снизошел Бог, я не в курсе, что он за мной, жалуясь на свою несчастную жизнь. Он долго слушал, потом спросил:

– *Продлевать будете?*

– *Что именно?*

– *Вашу прекрасную жизнь.*

– *Да. Буду.*

– *Остались только лошади.*

– *В смысле?*

– *Лошадью будете продлевать?*

– Ну и как, продлил?

– Само собой. Мы бы с тобой сейчас не общались, – рассмеялся Глеб. – Лошадью быть оказалось не так уж и плохо, а дело было на какой-то загородной резиденции, где мой друг собрал всех близких друзей устроить мальчишник перед собственной свадьбой. Мы, конечно, хорошенько там на-

брались. Шампанское, бассейн, девочки. Ничего не помню, кроме того, что было весело. Проснулся я в ночи, в холодном поту, в голове Бог, а на мне девушка какая-то скачет, хорошенькая. Делать нечего, полночи проскакали, и оказалось, что у нас так много общего, что мы поскакали вместе дальше мимо дома, быта, детей, жены. Ну ты понимаешь.

– У тебя такая красавица жена. Зачем тебе нужна была любовница?

– Чтобы любила.

– Хочешь сказать, жена тебя не любила?

– Не задавай мне глупых вопросов, я сам их себе постоянно задаю и получаю глупые ответы. Она у меня пуританка. А мне просто захотелось поменять позу.

– Хорошо, тогда вопросы по существу.

– Если пойти еще дальше, то у меня уже было две жены, но как-то не помогло. Надо было что-то менять.

– Изменять, – усмехнулся Пинкертон.

– Точно. Ты как всегда в ударе, – рассмеялся я. – Официальными отношениями я был сыт. Ты же помнишь, как тяжело я разводился с первой. Оставил ей половину всего.

– А как же дети?

– С сыном очень хорошо, а дочь... ты же знаешь, девочки переживают измены, как свои собственные. Но раны затягиваются, процесс нормализуется, уже созваниваемся.

– Хорошо, тогда скажи мне, чем же она тебя взяла? Ты такой дока, неужели не доверяешь? Зачем тебе понадобилось

следить за любовницей?

– Чтобы не полюбила кого-нибудь еще.

– Значит, не ревность, а собственность?

– Это одно и то же.

– Извини, что я тебя терроризирую, просто любопытно стало. А чем она сейчас занимается?

– Ищет себя в кино. Несколько небольших ролей я ей уже устроил, но ты же понимаешь, что такое кино. Там режиссеры, там сценаристы, там продюсеры, и все норовят заглянуть под юбку.

– Хорошо, я посажу своих ребят с камерой прямо под юбкой.

– Под юбкой не должно быть никого, кроме меня.

– Я не думал, что ты такой ревнивый.

– Я сам не думал.

– Стареешь, становишься мнительным и подозрительным.

– Жадным. Не хочу ни с кем делиться, – продолжал иронизировать Глеб. Ирония лишний раз подчеркивала не только его богатство, но и нищету души.

Гриша и Маша

Они припарковались у дома и долго сидели в машине перед домом. Выходить не хотелось. Гриша – долговязый брюнет лет тридцати пяти с творческой косичкой на самой макушке. Маша – где-то между симпатичной девушкой и красивой женщиной, у которой, как и у многих, бросались в глаза два страстных желания: поесть и похудеть. Она уже успела побывать замужем, но ласки не хватило. Отголоском в салоне звенел «Ласковый май», за окном – суровый январь. Я сидел в стаканчике и помалкивал, чтобы не дай бог в сердцах кто-нибудь меня не опрокинул. Парочка то нежно целовалась, то яростно спорила: как всегда, ни о чем:

– Нет, мы не поцелуемся. Мне надоело целоваться с тем, кто меня не любит.

– Вот как? Хорошо. Какие планы на завтра? – вдруг охладели его руки.

– Не знаю. Есть предложения? – захотелось мне узнать причину внезапного холода.

– Да, и кольца я тоже купил.

– Я люблю тебя.

– Выходи за меня.

– Ты серьезно?

– Да, дай мне руку.

В темноте он взял ее руку и надел на безымянный палец кольцо. Золото обвело девушку вокруг пальца, она не сопротивлялась. Ну кто здесь может устоять? Кто? Все претензии сразу отпали. Даже губы снова согласились целоваться.

Пятьдесят процентов отношений развивались в одной матрице, вначале взгляды, потом слова, потом прикосновения рук, губ, тел, желаний, нужд. Потом постель, и чем дальше, тем грязнее становилось белье. Некоторые меняли его чаще, стирали пятна обид, непонимания и прочего шлама, другим менять было лень, они просто закрывали глаза на все и засыпали.

У других пятидесяти процентов не было никаких отношений, в один прекрасный день они пригласили одиночество на свидание, потом еще и еще, пока оно не стало их любовником. Маша, в свое время, тоже жила в этой половине человечества. В поисках другой половины, она все больше понимала, что не одинока, таких, как она, много. Потом, наконец, нашла, «счастья» хватило только на три года. Больше не было сил. Она готова была смириться с чем угодно, только не с равнодушием. Больше всего женщина не переваривает равнодушие, вот что равняет с землей душу и делает ее из птицы летающей тварью ползающей. Мужу нужна была женщина, которую можно включать и выключать – как торшер в спальне. Развелась, а привычка осталась.

Прошло минут двадцать, прежде чем она снова включилась:

– Тебе нужна такая, чтобы сидела рядом и молчала. А я не могу все время в тишине, и еще при разговоре мне важно заглядывать в глаза. Простого обмена словами недостаточно: мне важно видеть выражение лица – возможно, для того, чтобы понимать, что осталось между слов, или для того, чтобы была обратная связь. Я хочу видеть эмоции.

– Нет, мне нужна ты.

– О, у тебя появилось чувство юмора.

– Я серьезно.

– Чем тупее становятся твои шутки, тем сильнее я ощущаю боль от потраченного на тебя времени. Каждый божий день я чувствую, что теряю время. Хватит, мне надоело быть твоим приложением.

– Дорогая, это возрастное.

– Ну, конечно, что ты еще можешь сказать. Да у меня даже не было времени, чтобы повзрослеть, не было времени тусоваться. Я ни с кем не встречалась, пока не появился ты. Это было так тяжело, когда тебе девятнадцать, а встретиться не с кем. Некого обнять, некого поцеловать, все эти развлечения только в кино, будто для избранных людей, будто экспонаты в музее. И тут возник ты. И я не возникала, благодаря Бога за такой подарок. Я дорожила тобой, а ты нет, ты пользовался мной как хотел, моими чувствами.

– Дорогая, как ты себя чувствуешь? Тебе надо отдохнуть.

– Отдохнуть. Ты знаешь, что я чувствую сейчас? Я чувствую себя старой, будто работаю с десяти лет, будто вы-

ступаю в ночных клубах, но удовольствия от ярких вечеров больше нет. Блестки на платье потускнели. И что самое ужасное, я стала грубой.

– Может, кофе? Я взял тебе кофе.

– Кофе? Это все, на что ты годишься? Негодяй.

– Я негодяй? Посмотри на себя.

– И что?

– Ничего.

«Что там?» – спрашивала она у своего альтер эго. «Ничего, – подтверждало оно, – все как всегда, как в вечном кафе. Ты сидишь одна, кушаешь свой кофе или пьешь горячий шоколад, и со стороны кажется, что все в шоколаде, но внутри ты постоянно думаешь, а не послать ли все к черту, отправляешь ему такую вот эсэмэску, и жить становится легче. Потом заказываешь вино и получаешь ответ, что еще не все потеряно. И так каждый день, каждый божий день твоей жизни. Которой, как оказывается, меньше всех от тебя что-то нужно, точнее сказать, ничего от тебя не нужно, ей нужна ты – такая, какая есть, со своей кроной, со своими корнями. Что касается корней, они не были знаменитыми, богатыми, древними, и каждое упоминание о них так же бестолково, как заискивание перед лесом, в котором ты заблудилась. Цепляясь за них, ты будешь только спотыкаться».

Маше совсем не понравился этот внутренний диалог. Она вышла из машины, хлопнув дверью, затем дверью хлопнул подъезд. Гриша еле успевал за женой. Маша была не соглас-

на со своим альтер эго. Несмотря на то, что жизнь стоит на месте, она сама менялась, причем каждые тридцать минут. Только что она целовалась и была почти счастлива, а теперь снова спад, и все плохо. Стоило только начать анализировать. «К черту самоанализ», – заключила она и вышла из лифта. Гриша проследовал за ней...

– Прицепы мне не нужны. Однако я точное знаю, что буду спотыкаться о воспоминания, как ломовая лошадь. С утра до вечера.

– Не будешь.

– Буду! Черт, – чертыхнулась она, споткнувшись в темноте коридора. Стаканчик с кофе вылетел из ее рук. Я растекся по паркету. – Включи уже наконец-то свет в квартире. Что это? Зачем здесь это полено.

– Это заготовка.

– Какая еще заготовка.

– Женщину хочу вырезать.

– Какую женщину?

– Тебя.

– Отлично, хочешь полено – я тебе устрою. Лесоруб хренов.

Лео и Серж

Я понятия не имел, что такое синдром отложенной жизни, пока мне не объяснили взрослые парни за соседним столом. Сати все так же ласково играл на пианино, упрямо пытаюсь перевести их серьезный разговор в легкомысленную беседу. Как я понял, один из них был режиссером, его звали Лео, другой хотел стать писателем – просто Серж.

– Синдром отложенной жизни заключается в том, что если жизнь дерьмо, то можно ее и отложить.

– Я думаю, что прежде лучше отложить дела, а не жизнь, – улыбнулся режиссер сквозь серую бородку.

– Ты знаешь, я в детстве хотел стать актером. Нет-нет, актером я не стал. Хорошо, что эти игры не были азартными, иначе вряд ли бы я дотянул до этого дня, меня грохнули бы где-нибудь в глухом районе за карточный долг, в лучшем случае это случилось бы на лестнице в казино, я даже представил, как яркие огоньки рампы блещут в моих глазах под музыку уходящей жизни. Глаза застилает поволока вечности, и темная струйка крови из моей груди образует рядом большое теплое пятно, до тех пор, пока какая-нибудь откровенно одетая цыпочка не поскользнется на моей липкой крови и не завопит на все Монте-Карло. Ставки были сделаны, но ни одна из них не сыграла. Я тихо-мирно закончил фил-фак и был занудным профессором литературы до тех самых

пор, пока мой доктор мне не сказал: тебе осталось всего год в лучшем случае.

Этот выстрел был похлеще того, что я себе представлял. Я только выплатил ипотеку, жена только начала меня любить, дети только избавились от памперсов и начали расти духовно, они пошли в школу, во двор, в люди, в общем, я только начал жить – и на тебе.

– Ты серьезно? Я бы очень хотел, чтобы это была шутка, пусть и самая дурацкая в жизни.

– Это не шутка.

– По тебе и не скажешь.

– Я бы тоже не хотел говорить об этом. Но дети. Как они будут без меня. Я не хочу ни там, ни здесь когда-нибудь услышать: «Где ты был, сука?» У тебя же есть дети?

– Есть один от первого брака. Остался с матерью.

– Тогда будь готов к такому вопросу от своих детей, если ты их рано бросил, если ты ими не занимался, но главное, если ты их не любил. В общем, я, как всегда, издалека. Я должен их обеспечить. Детей. Ты ведь знаешь, у меня ни хрена нет, кроме жены и ипотеки. Так что я решил написать книгу им в наследство, чтобы она постоянно переиздавалась.

– Ты меня озадачил, дружище. Не могу поверить.

– Что я смогу ее написать? Не волнуйся, я сам ее напишу.

– Я волнуюсь не об этом. Ты... ты же... ты сам по себе бестселлер, блокбастер, ты мой друг! Ты понимаешь? Я не хочу, чтобы вот так все закончилось, – показали слезы на

его глазах. Они посмотрели вниз: «Вау, какая красота. Давай вниз, кто быстрее. На счет три».

– Я тоже не хочу, чтобы вот так.

– Ладно, – начал он собирать из себя мужика, так и не дав устроить слалом по своим небритым щекам ни одной слезинке. – Значит, бестселлер?

– Да.

– Мне нравится твоя уверенность.

– У меня нет времени на другое.

– Обычно все писатели скромничают, заявляя, что неожиданно их книга стала бестселлером. Боже мой, они не ожидали. Конечно, они этого ждали, что за сладкая ложь.

– Все страхуют свои надежды. Мне некогда. Я правдив.

– У правды только один недостаток – ее никто не любит.

Каждый, кто пишет книгу, грезит бестселлером.

– У меня нет времени для грез. И ты мне должен в этом помочь.

– Чем я могу помочь?

– Ты же дока в постановке сюжетов. Мне нужна техническая поддержка. Краткий курс, как написать бестселлер.

– Если бы я знал.

– Ты знаешь, просто тебе лень писать, ты сам мне как-то об этом говорил.

– Ну, это же только пьяные разговоры.

– Когда ты пьян, ты всегда очень искренен. Мне нужна одна книга, которая будет опьянять всякого, кто ее откроет.

Вино, понимаешь? Не сухое, не сладкое, но притягательное, как шампанское. Если бы у меня было больше времени, я бы тебя не тревожил. Но у меня всего год.

– У тебя есть сюжет?

– Есть.

– Хорошо. Ты уже начал?

– В том-то и дело, что я не знаю, с чего начать, точнее – как начать, чтобы читатель после первой страницы, не отрываясь, прочел еще сто.

– Какой жанр?

– Скорее, драма.

– Могу тебе вкратце рассказать.

– Ты, главное, пиши. Расскажешь в процессе, – вылил Лео остатки кофе на блюдце. Черное пятно быстро взяло в плен белое.

Писатель и Режиссер

– Я думаю, что финал в книге ничем не отличается от финала в кино, яркость и цветность которого должны проявиться в первые двадцать минут, познакомить всех с главным героем в самом начале конфликта, а также с каким-нибудь злодеем. Любое самое долгое повествование может реанимировать внезапная концовка. Я так делал. Можно красиво начать, потом усыпить бдительность и внезапно завернуть в конце.

– А что в середине?

– В каждом следующем акте тот же секс, в котором страсти накаляются. И этот прилив любви сносит крышу главному герою, и он висит на краю пропасти, а остальные персонажи ходят рядом, кто-то пытается подтолкнуть, кто-то бросает руку помощи. Наконец герой сам берет себя в руки, ставит все на свою силу духа. Ставка сыграла.

– У тебя как у того классика: вся жизнь – игра!

– Вся жизнь – икра. Может, икорочки да под водочку?

Серж отрицательно покачал головой.

– Понимаю, ставки слишком высоки.

– Я вижу, ты все так же любишь казино?

– Люблю выигрывать. Каждый режиссер в душе игрок, потому что игра, роли и главное азарт – это его всё. Что я хочу сказать: в твоей истории многие должны найти себя, по

крайней мере, в кино так. Все находят себя и хотят снова и снова пересмотреть.

– Всегда приятно смотреть на себя, – допил кофе Серж.

– И чтобы не надоело, надо менять измерение. Представь себе, ты спал и видел прекрасный сон, но вдруг всех разбудил будильник, ничего не понятно. Кругом суета и другая реальность. Книга, что фильм, может быть сложной, но не занудной. Постоянно увеличивай темп событий. Потому что рядом за соседним столиком внимание читателя. Нельзя от него отставать. Нельзя его терять, – указал режиссер на соседей.

Писатель посмотрел на ближайший столик и улыбнулся. За ним что-то весело большой компанией отмечали девушки.

– В кино, как и в жизни, главное развязка. Надо быть достаточно развязным, чтобы с жизнью пройти «на ты», – рассмеялся режиссер и продолжил лекцию: – Залог хорошего финала для кино: загадка и неожиданность. Читатель не должен знать, чем все закончится. В хорошей истории, как и в хорошенькой женщине, должна быть загадка, – улыбнулся режиссер девушке за соседним столом, поймав ее взгляд. – Так же как рассказ не должен быть сказкой со счастливым концом. Я всегда заставляю зрителя переживать, просто бросаю его на перепутье. Пусть сам выбирает – «или сама», – усмехнулся он и снова посмотрел на девушку, но та уже выбрала кого-то другого. – Твоя задача: попытаться затронуть

зрение, слух, осязание, обоняние, вкус читателя – с помощью слов. Создать пятимерное пространство чувств. Самое голодное из них всегда откликнется. Ты запивай, кофе здесь элитный, заговорил я тебя.

– Это точно! Заговор элит.

– Вообще мне нравится короткий метр. Хорошая короткометражка – это кусок плоти, вырванный из жизни зрителя. Есть только одна проблема. Мне кажется, что сейчас больше смотрят, чем читают. Может, тебе лучше кино снять?

– О чем ты говоришь? Если бы у меня были такие деньги, мы бы сейчас с тобой здесь не сидели.

– Ты сидел бы здесь с кем-нибудь другим?

– Мы бы разлагались где-нибудь на пляже за бокалом дай-кири.

– Так оно и будет, поверь.

– Согласен, когда-нибудь книга станет просто сувениром, который будут дарить, чтобы поставить на полку. Я хочу запрыгнуть в последний вагон, пока люди еще читают.

– В последний бокал, пока люди еще пьют. Пока люди еще их быют, если хочешь, мой дорогой Серж. Осколки, вот что важно, если развивать историю по законам жанра, хоть книга, хоть кино, хоть просто байка, это все операции, хирургия, которая извлекает из души человека осколки, которые не давали покоя.

– Или наоборот, я про истории, после которых ты не можешь просто существовать, как навязчивая идея. Из равно-

душного ты превращаешься в человека чувствующего. Я вот недавно посмотрел фильм по войну, знаешь, потерял покой на несколько дней.

– Человек, как навязчивая идея, оригинально. А что за фильм? Надеюсь, не мой.

– Немой, немой. Не ревнуй.

– Ладно, не буду. Так о чем будет твоя история?

– Про любовь.

– Здесь ты неоригинален.

– Там не все так просто, как тебе кажется.

– Мне не кажется, я тебя слишком хорошо знаю. Ты очень сложный, но интересный.

– Типичный псих, бездельник и выдумщик.

– Опять ты про любовь... к себе. В целом ты прав, без любовной нити невозможно сшить ни один приличный переплет.

– В переплет обычно попадают любовники.

– Ты был когда-нибудь любовником?

– Только для жены.

– Как скучно.

– Я же не киношник. Это там всех учат языку любви с пеленок.

– В моем случае с молоком матери, мама была актрисой, пока не вышла замуж.

– Ушла из кино? Неужели перестала играть?

– Только на публику. Дома такие страсти кипели. Я все

время боялся, что они разведутся. Так и случилось. Теперь я понимаю, что она переигрывала. Однажды отец просто ушел.

– Значит, проиграл?

– Я бы сказал, проигрался. Он любил покер больше жизни. Его сгубило казино. В один прекрасный день за долги у нас забрали дом. С этого все и покатилося под откос, но больше всего мать разозлило, что он и меня научил играть в покер. Все время говорил: ты им должен отомстить за меня.

– Отомстил?

– С переменным успехом. Только я в казино не за деньгами хожу.

– Неужели чтобы избавиться от них?

– Да, там девяносто процентов таких.

– Я у тебя просить не буду, даже не думай.

– Это не в твоём стиле. Вот еще несколько слов о стиле. Любому тексту нужна душа. И мистика. Надеюсь, в твоём романе все это есть.

– Ты любишь фантастику?

– Я – нет, люди обожают. Поэтому добавь в свой переплет еще несколько мистических ниток. Мистика – это очень перспективно. Она манит, она привлекает тех, кому плохо в реальности, а таких сейчас большинство.

Гриша и Маша

– Кофе хочешь? – спросил он, когда они проходили мимо кофейного киоска.

– Да, возьми мне капучино. Здесь хороший? А то в прошлый раз одно молоко налили. Будто я у них не кофе просила, а горячее молоко.

– Хорошо, слушай, у меня денег нет. В универе опять зарплату задерживают.

– А что же тогда предлагаешь? – вздохнула Маша. – Пора бы тебе на работу, Гриня, устроиться, на другую. А не кланяться по мелочам у жены.

– Я работаю над этим.

– Ну, за это тебе никто не заплатит. Мужчине без работы никак нельзя. Что бы ты делал без меня? Ладно, угощаю.

– То есть без тебя можно, а без работы нет.

– Работа и женщина для мужчины – это одно и то же.

– Ну, конечно, в каждой женщине есть что-то от работодателя. Сначала она тебя спрашивает: «Чем ты занимаешься?», потом берет в штат, говорит: «Для тебя есть вакансия: ты будешь заниматься мной».

– Вот здесь было смешно. Да, занимайся, в свободное от работы время, – протянула она ему стакан с капучино.

– Ты запрещаешь мне делать то, что я хочу.

– Нет, я запрещаю тебе слоняться без дела. Мужiku без

дела нельзя. Я же тебе говорю, без бабы можно, а вот без дела нельзя. Ты понимаешь?

– С трудом. Запреты – это основная причина всех преступлений, а запретные плоды – это оружие.

– Хватит философствовать. Мне без разницы, можешь взять это свое оружие и ограбить банк, но чтобы деньги в доме были. Зачем ты мне нужен без денег?

– А как же любовь?

– Какая такая любовь?

– Большая, – сложил из ладошек сердечко Гриша.

– Ну раз ты меня так любишь, то выключи, пожалуйста, эту музыку.

– Скажи лучше – я запрещаю тебе слушать эту музыку.

– У нас есть запрещенная музыка? О чем ты говоришь?

– Конечно, рэп.

– Это, по-твоему, рэп? У нас нет рэпа, нет рока, настоящие рэперы умирают до сорока, а нашим уже по пятьдесят. Не может быть старых поэтов, потому что в определенный момент поэты хотят получать за стихи чеки. И чем больше, тем хуже стихи. Поэзия становится бизнесом. Здесь поэзия поэзией быть перестала. Нашим рэперам мне все время хочется сказать: «Подтяни же штаны. Ты же идешь по улице с мамой».

– Ты слишком сурова.

– А ты мякиш.

– Мама меня так никогда не называла, – усмехнулся Гри-

ша.

– А как она тебя называла?

– Да по-разному: Гришаня, в хорошем настроении, а если испачкал штаны – Гринюха, если двойка – Григорюшка или Горя ты моя Горя.

– Любила не по-детски.

– Как бы я хотел сейчас идти по улице с мамой.

– Вместо меня?

– Да при чем здесь ты. Хватит уже себя обожествлять.

– Ты сегодня смелый прям не на шутку.

– Нет. Любвеобильный.

– Так бы сразу и сказал.

– Знаешь, однажды мы шли из садика по людной улице, я держался за мамину сумку, но в какой-то момент отвлекся, отпустил сумку, потом снова догнал маму и схватился за знакомую сумку, а там с высоты на меня тетя: «Такой маленький, а уже по сумкам шарисься, сейчас милицию вызову». Для меня это был шок: «Где мама? Это же ее сумка».

– Ну, прямо «Мамонтенок ищет маму». Ищешь маму, а там слониха. Как же ты ее нашел?

– Не знаю, что на меня нашло, я как заору на всю улицу: «Мама, эта тетя украла нашу сумку!» Через мгновение, когда улица остановилась, когда у моих ног уже обрушился целый мир, мать нашлась.

– Не, не мякиш. Видимо, размяк, пока со мной жил. Устроился поудобнее и размяк. По крайней мере, ты же не

был таким.

– Каким? – посмотрел не по-детски на Машу Гриша.

– Пастеризованным.

– Ты сегодня в ударе, но с кем не бывает.

– Я же говорю, ты опять без настроения?

– Нет, просто скучно.

– Хочешь, я напьюсь? – рассмеялась собственной дерзости Маша.

– Пива?

– Я вижу, как ты розовеешь, Гриша. Тебе не надоело одно и то же?

– Что именно?

– Одно и то же пиво, целыми днями. Ради чего? Ради того крутого парня, каким ты был лет десять назад.

– Пью я не для того, чтобы показать, какой я правильный парень. Для меня алкоголь способ избавиться от вопроса, кто я такой, зачем я, есть ли во мне смысл? Кстати, может, зайдем в магазин за пивом, все закончилось.

– Давай деньги.

– Я же тебе говорю, забыл карточку.

– Ну что ты за мужик? С тобой невозможно расслабиться. Почему я должна тебя обеспечивать?

– У меня сейчас нет прибыли. И это проблема.

– Нет, твоя самая большая проблема не отсутствие денег, а сбитый прицел. Нет общей цели, высшей цели. Именно ее ты должен восстановить, если хочешь к чему-то прийти.

– Домой, куда я еще могу прийти, – зашли они в подъезд. – А тебе не кажется, что, когда человек приспособливает свою жизнь только для того, чтобы накопить как можно больше капусты, он обнажает убогость своих целей.

– Какая светлая мысль. Ладно, пиво заработал, я купила вчера, поищи в холодильнике.

– Ты золото, Маша.

– Знаю! Черт! Когда ты уже уберешь из-под ног это полено?

– Это не полено, это ты.

– Хватит меня деревом оскорблять.

– Ты еще не знаешь, как оно нас отблагодарит.

– Я знаю, Гриня, ты умный парень, преподаватель. Ты же видишь, твоя работа в университете сегодня ни черта не приносит. Придумай что-нибудь. И убери полено. Хорошо?

– Хорошо, но по твоим глазам я вижу, что плохо. Ты меня осуждаешь.

– Осуждаю? О чем ты говоришь, ты даже вина своей даме купить не можешь.

– Ты права, для тебя только цветы. Ты слышишь?

– Про цветы?

– Нет, за стеной. Этот женский голос, один женский голос, полный упреков и обид. И молчание ему было ответом. Как же вы все похожи.

– А, эта, никогда не здоровается, то ли муж у нее немой,

то ли очень терпеливый.

– Нет у нее никакого мужа, сбежал уже давно. Теперь она воспитывает собаку, я бы тоже давно сбежал, если бы не ошейник.

– Ну, ты красавчик. Ты собрался сбежать? Жена, дети и ипотека, все на тебе висит. Только сначала напиши доверенность на случай побега.

– Опять замолчала. Я же говорю, вы все похожи.

– А вы чуть что не так, брови домиком и давай играть в молчанку.

– Не надо обобщать, – прошел Гриша на кухню и открыл холодильник.

– Ну что, побегал? Быстро домой.

– Не волнуйся, Маша, от холодного пива еще ни один мужик не уходил. Вот, слышишь, собака подтверждает.

В этот момент за стеной залаяла собака соседки.

– Так они и общаются. Всегда смешно видеть, когда люди на полном серьезе разговаривают со своими четвероногими друзьями. Первые думают, что вторые их понимают, – дернул чеку на банке Гриша.

– Сразу видно – интеллигентные люди.

– Чувствую, ей тоже придется за винишком самой идти.

– Ты же сам тоже с котом постоянно общаешься.

– Мы с ним только ржем иногда над другими.

– Ты хочешь сказать, Васька тебя понимает?

– Нет, конечно, но делает вид.

– Весь в тебя.

– Знаешь, что у тебя общее с кошкой?

– Опять пошлость какую-нибудь задумал.

– Нет. Это гибкость. – Холодное пиво легло прямо на душу Гриши.

– О чем ты говоришь, я на фитнесе сто лет не была.

– А что так?

– Времени нет. Как же я задолбалась в этой берлоге. Думала, что создана для спа, для джакузи, нет, мля... не заслужила.

– Ванны с шампанским нет, это правда. Но... Твое главное украшение – это гибкая система личных ценностей, словно ожерелье из бриллиантов, которое при каждом повороте судьбы сверкает новыми гранями.

– Ну что за бред, ты как старик, который пытается говорить о сексе.

– Ты же сама хотела спа. Ты права, хватит говорить, надо заниматься. Кстати, ты получаешь удовольствие от секса?

– С тобой?

– А что, есть еще варианты?

– Варианты есть, сил нет.

– Жаль, а то о тебе могли бы говорить: она всего добилась через постель.

– А что плохого? Получить приятное с полезным. Я же даже через постель добиться ничего не могу. Какое удоволь-

ствие, когда приходишь домой как собака?

– И лаешь, и лаешь, и лаешь. Еще немного – и соседка тоже подумает, что я разговариваю с собакой, – рассмеялся Гриша.

– Не лаю. Скулю.

– В таком случае скажи мне, как тебе удастся так хорошо выглядеть, лет на десять моложе меня.

– Так я моложе на десять лет.

– Я думал, ты ответишь: «У меня часы отстают».

– Нет, не отстают, часы только тикают, как мина замедленного действия. Смотрю на себя в зеркало, боже! Разве о такой мне я мечтала?

– Конечно, нет. Ты мечтала о принце. Думаешь, с ним радости от секса было бы больше?

– По крайней мере, можно было бы брать не удовольствиями, а деньгами.

– И снова деньги.

– А ты не слышишь. Словно мы живем в одном доме, но в разных подъездах и разговариваем через вентиляцию.

– Да слышу, слышу. Я хотел тебе сказать, что я нашел тему. Я собираюсь открыть мастерскую по изготовлению деревянных сувениров.

– Деревянных? Гробов, что ли?

– Сувениров.

– Ты шутишь?

– Нет, у меня отец этим занимался.

- Значит, генотип, – рассмеялась она.
- Видимо, он же Гена.
- А деньги откуда?
- Отец дачу продал.
- Геннадьевич, так ты решил стать Страдивари?
- Он же вроде скрипки делал.
- Ну да, из дерева же. Я недавно слышала, его скрипку за десять миллионов продали на аукционе.
- Так он же итальянец.
- Надо было мне дуре за итальянца в свое время выходить.
- У тебя был итальянец?
- Да, то есть потом оказалось, что турок.
- Официант из турецкого отеля?
- Ты откуда знаешь?
- Классика жанра. Только не рассказывай мне это, я сейчас начну ревновать.
- Это было давно.
- Я считал тебя уникальной.
- Не останавливайся, считай дальше.
- До скольких?
- До свидания. До нашего первого свидания.
- Прошное не считается.
- А я тебе о чем?
- А я тебе о чем?
- О чем?
- О том, что ты сексуальная сейчас, мне ревностно думать,

какой сексуальной ты была раньше.

– Я знаю. Жизнь всегда хотела меня поиметь.

– Жаль, что я не первый.

– Надеюсь, не последний.

– Я не понял, – чуть не подавился пивом Гриша.

– Не будешь последним по жизни, – вздохнула жена.

– Хорошо, ты будешь мною гордиться.

– Только давай без этого пафоса. Какая мне разница, что о тебе говорят на двадцатой странице, если я вижу тебя все время на обложке.

– Где ты видела сейчас обложки, журналов больше нет.

– Ненавижу, когда ты тупишь.

– Ты права, сканворды остались.

– Да, загадок просто перебор. Ну так что ты решил мастерить?

– Да куй его знает.

– Куй, говоришь? – рассмеялась жена. – Значит, опять какая-нибудь куйня? Знал бы ты, как мне хочется мастериться.

– Мастерись, но только без мата, все будет хорошо, не волнуйся.

– Хочешь сказать, будешь и дальше бить баклуши?

– Бить не буду, даже не проси!

– В тебе тоже есть что-то сексуальное. Они, кстати, тоже из дерева.

– Кто?

– Баклуши.

- Да? А я и не знал.
- Это заготовки для деревянных ложек.
- Думаешь, мне с ложек начать?
- С ножек, начни с ножек.
- У тебя красивые ноги.
- Ты хочешь, чтобы я взяла тебя на работу? Так ты точно ничего не заработаешь. Это я тебе гарантирую.

Девичник

За столиком сидела стайка девушек, кто-то губил кофе, кто-то шампанское. Они были едва знакомы, они были разного возраста, но отмечали один очень ценный праздник – получение водительских прав. По оживленному разговору было заметно, что прав у них действительно стало больше. Можно было говорить что в голову придет, потому как девушки знали друг друга постольку-поскольку, в результате беседа приобрела одно ценное свойство – откровенность. Им нечего было скрывать, им нечего было держать, этим же вечером они разъедутся навсегда по своим жизням. Каждая поедет своей дорогой. Они говорили громко и часто в спешке перебивали друг друга, будто боялись потерять мысль, чувствовалось, что накипело. То и дело разговор заглушали взрывы смеха. Сначала все посетители кафе оборачивались, а потом привыкли, люди ко всему привыкают.

– Замуж я вышла рано, по молодости, любви там было мало, глупости много. Думала, надену свадебное платье, что-то произойдет. Потом поумнела, повзрослела, сняла платье, посмотрела на себя в зеркало, поняла, что одной лучше.

– Я тоже замуж хотела, пыталась достучаться, но его не было. Было такое чувство, словно стою перед закрытой дверью с вещами и не могу дозвониться. Потом стоять перед дверью с вещами и барабанить мне уже так надоело, что я

сказала себе: «Хватить барабанить. Если не удастся достучаться до одного человека, возьми телефон, позвони другому». Я позвонила другому.

– Правильно. Другие всегда слышат лучше, чем свои.

– Правильно не то слово, я позже узнала, что он, оказывается, уже давно с другой встречается, параллельно. Ох уж эта параллельная связь. Это была пытка. Слава богу, работа выручала, туда можно было уйти. Я уходила туда каждый день. Именно уходила от этой рутины. Когда есть любимая работа, есть выбор.

– Если есть выбор, выбирай себя.

– Даже когда нет выбора, выбирай себя.

– Как говорила моя бабушка: не так важно, кто с кем спит, главное, чтобы все выспались. Я не высыпалась.

– Надеюсь, из-за мужчин. Мужчины были. Одни пытались меня сделать счастливой, другие дурой. Один был особенно настойчив, приходил между сном и работой, думала, психолог, потому что все время пытался научить меня быть счастливой, позже оказалось – муж.

– А ты замужем?

– Уже нет.

– Это заметно, слишком красива и независима. Даже инструктор на тебя запал.

– Не вспоминай, этот противный жирный кобель теперь будет мне сниться в кошмарах. Такой идиот.

– Приставал к тебе?

– Хуже. На первом занятии, когда села в машину, он еще стоял на улице, терся с какой-то женщиной, видимо, ученицей, которая откаталась передо мной. Потом они начали целоваться.

– Боже мой, какая мерзость, ты не рассказывала.

– Это еще только цветочки, потом он сел в машину, открыл передо мной бардачок, а из него презервативы посыпались. Не знаю, что он себе надумал. Что меня этот спектакль заведет, что я кинусь на этого альфа-самца с криком «возьми меня». Меня чуть не вытошнило. А жаль.

– А мой мне сразу предложил за деньги сдавать. Такой предприимчивый.

– Дала?

– Нет, не дала, заплатить оказалось дешевле, – заставила искренне рассмеяться всю свою компанию девушка. Беззаботный смех был так к лицу этой дружной семейке.

Лео и Серж

– Ну, что ты скажешь об этой жгучей блондинке?

– О той, что все время говорит и смеется?

– Нет, о той, которая все время молчит! Опиши мне ее в двух предложениях.

– При всей своей сексуальности она была непредсказуема. В чем это выразалось. Она прилетела на свидание с блестящим богатым мужиком, но запала на официанта, который приносил кофе и пирожные. В этом вся ее суть.

– А где ты там видишь мужика?

– Он в голове. У каждой женщины в голове по мужику, а то и больше.

– Красиво завернул. Теперь я за тебя спокоен. У тебя получится книга.

Девочки

– В один прекрасный день я ушла так, что скоро мы стали жить раздельно. Теперь никто никому не мешал спать, никто ни у кого не путался под ногами, никому не надо было объяснять «куда ты» и «на сколько». Был один нелепый образ жизни, а стало независимых два. Я стала приходить в форму, ушел лишний вес. Тот самый вес, который набирается от постоянных компромиссов. Однажды мне об этом рассказал мой терапевт: ты толстеешь, когда начинаешь подстраиваться под кого-то. Я не верила до того самого момента, пока не встала на весы: минус три килограмма за месяц. На ровном месте! Диетой стал отказ от неудобного человека.

– Я тоже не верю.

– Проверяй.

– Мне кажется, дело было в том, что теперь мне не нужно было ежедневно отчитываться прямо с утра о своем внешнем виде. Пропала необходимость нравиться кому-то круглосуточно.

– Ты хочешь сказать, что он тебе нравился постоянно?

– В том-то и дело, я так устала постоянно поднимать его плохое настроение, разгонять его хмурое лицо и мрачные мысли. За которыми скорбное молчание, которое вызывало во мне чувство вины. Сколько можно? Слава богу, меня наконец стошнило, и вуаля – я свободный человек, девушка

себе на уме, а не женщина на побегушках.

– Я представляю, теперь Маша просыпается по выходным когда захочет, ходит по дому в одних трусиках, стоит сколько захочет в душе, потом смотрит в зеркало: прекрасна! К черту макияж, я прекрасна и без него! Какое счастье, что не надо отчитываться ни перед кем, что поздно вернулась, оправдываться за долгий сон и припухшие веки, чашка кофе за завтраком, и все придет в норму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.